

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Родионова О.П. Путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (2021) //

Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74395 EDN: METAOQ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74395

Путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (2021)

Родионова Оксана Петровна

ORCID: 0000-0001-9984-0795

кандидат филологических наук

доцент; Восточный факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

✉ o.rodionova@spbu.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74395

EDN:

METAOQ

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2025

Аннотация: В данной статье анализируется роман китайского писателя Лян Сяошэна (р. 1949) «Я и моя судьба» (2021). Особое внимание уделяется отражению динамичной жизни китайского общества в эпоху экономических перемен конца XX – начала XXI вв. Поскольку действие развивается на нескольких площадках, среди которых бедная деревушка и вырастающий в современный мегаполис Шэньчжэнь, то данный литературный текст отражает способы достижения благосостояния в разных социальных слоях. Стоящая в центре романа тема пути к благосостоянию берет истоки в популярной в Китае в 1980-е гг. «литературе реформ», когда первые литературные эксперименты стали откликом на реформы Дэн Сяопина, большая часть которых была направлена на борьбу с бедностью. Вторая волна социально-экономических преобразований в КНР началась с приходом к власти осенью 2012 г. Си Цзиньпина, который сформулировал идею «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Применяв контент-анализ, а также количественный лексический анализ текста, были выявлены вопросы и темы, волнующие Лян Сяошэна. Значимость темы обогащения и избавления от бедности

подтверждает тот факт, что иероглиф, обозначающий слово «деньги» употребляется 428 раз. Для сравнения, иероглиф, обозначающий слово «судьба», который вошел в название романа, употребляется 155 раз. Роман Лян Сяошэна "Я и моя судьба" является новейшим произведением автора и до сих пор не изучался в отечественной науке. Исследование демонстрирует всестороннее отражение в романе основных этапов экономического развития Китая в 1980-2010-х гг., что делает его ценным источником культурологических и социологических сведений о настроениях в китайском обществе. Обращение к теме избавления от бедности сочетается как с общественной и культурной повесткой Китая, так и задачами политики реформ и открытости. При этом роман не несет черт заказного произведения, а является проявлением гражданской и творческой позиции автора. Сравнивая роман Лян Сяошэна с произведениями Дун Си, Лю Чжэньюня, Мо Яня, Шэн Кэи, мы видим, что, описывая неравенство и трудовую миграцию, автор делает акцент на успешном преодолении материальных и моральных вызовов.

Ключевые слова:

Лян Сяошэн, Китайская литература, Благополучие, Бедность, Китай, Город, Деревня, Трудовая миграция, Шэньчжэнь, Экономические реформы

На сегодняшний день новейшая китайская литература насчитывает более сорока лет развития. Состоявшийся в декабре 1978 г. в Пекине 3-й пленум 11-го созыва ознаменовал новый старт для движения Китая к переменам практически во всех сферах жизни. Политика реформ глубоко преобразила страну, привела к значительному росту благосостояния у ее жителей. Новейшая китайская литература, особенно ее реалистическое направление, как нельзя лучше отражает вызовы на пути Китая в последние десятилетия и способы их преодоления. Писатели старшего поколения, чей жизненный опыт позволяет сравнить жизнь в Китае до и после 1978 года, каждый на свой лад раскрывают темы и проблемы, волнующие все китайское общество.

Творчество писателя Лян Сяошэна (梁晓声, р. 1949), который является ровесником Китайской Народной Республики, представляет собой удачный пример отражения динамичной жизни китайского общества в эпоху экономических перемен. В 2019 г. его трехтомный роман «Путешествие длиной в жизнь» (人世间, 2017) был удостоен литературной премии Мао Дуня. В скором времени по этому роману сняли одноименный 58-серийный сериал, который транслировался на одном из главных китайских каналов и, по заверениям самого автора, стал самым рейтинговым среди остальных телесериалов ^[1]. Причиной такого успеха, на наш взгляд, помимо качественной режиссерской работы, является богатый житейский опыт писателя, который настолько правдиво и многогранно описал три поколения своих героев, что практически каждый зритель узнал в них себя или своих знакомых.

Роман Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (我和我的命, 2021)^[1] – первое произведение писателя, написанное им после получения премии Мао Дуня. Этот роман также относится к реалистическому жанру, но на этот раз он ориентирован скорее на молодого читателя. Любопытно, что произведение написано от первого лица, а точнее от лица девочки-девушки-молодой женщины Фан Ваньчжи, которая проходит свой путь от самого рождения до примерно сорока лет. В какой-то момент героиня знакомится еще с двумя девушками, в итоге у читателя появляется возможность проследить как складывается не

одна, а сразу три человеческие судьбы в эпоху построения китайского экономического чуда. Очень знаковым является и то, что действие романа развивается сразу на нескольких сценах – в бедной горной деревушке, в небольшом городке провинции Гуйчжоу, в Шэньчжэне, который буквально на глазах вырастает в современный мегаполис, а также в Шанхае. Такое разнообразие сцен, большая временная протяженность сюжета (1982-2020), а также принадлежность героинь к разным социальным слоям позволяют самым детальным образом исследовать одну из главных тем романа – путь к благосостоянию в китайском обществе конца XX – начала XXI вв. Значимость темы обогащения и роста уровня жизни для писателя подтверждает еще и тот факт, что на 377 страниц оригинального текста романа иероглиф, обозначающий слово «деньги» (钱) употребляется 428 раз! Для сравнения, иероглиф, обозначающий слово «судьба» (命), который вошел в название романа, употребляется лишь 155 раз.

Заявленная тема берет свои истоки в популярной в 1980-е годы «литературе реформ», в авангарде которой выступили такие писатели как Цзян Цзылун (蒋子龙, р. 1941), Гао Сяошэн (高晓声, 1928-1999), Чжан Сяньлян (张贤亮, 1936-2014), Чжан Цзе (张洁, 1937-1992) и др. Первые литературные эксперименты стали откликом на реформы Дэн Сяопина (邓小平, 1904-1997), большая часть которых была направлена на борьбу с бедностью. В связи с переходом от плановой к «социалистической рыночной экономике» в стране были приняты решения о проведении аграрной реформы, развитии индивидуального предпринимательства и привлечении иностранных инвестиций. Именно идеи Дэн Сяопина о реформах и открытости определили развитие Китая на несколько десятилетий вперед. Вторая мощная волна социально-экономических преобразований в КНР началась с приходом к власти осенью 2012 г. Си Цзиньпина (习近平, р. 1953), который, повторяя слова Дэн Сяопина, подчеркнул: «Бедность – это не социализм» [2, с. 5]. И. Ю. Зуенко в монографии «В эпоху Си Цзиньпина» указывает, что 29 ноября 2012 г. во время посещения выставки с символическим названием «Дорога к возрождению», Си Цзиньпин «произнес речь, в которой была сформулирована идея «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» [3, с. 283]. Чуть позже для реализации этой идеи были назначены конкретные сроки – создать «богатое и могущественное, демократическое и цивилизованное, гармоничное и современное социалистическое государство» к столетию КНР, то есть к 2049 г. В основе предложенной Си Цзиньпином концепции лежит «идея построения процветающего и могущественного государства, мечта о национальном возрождении и достижении всеобщего народного благоденствия» [4, с. 82]. Одной из приоритетных задач «китайской мечты» (中国梦 *чжунго мэн*) стала борьба с бедностью и построение «общества среднего достатка» (小康 *сяокан*). Тогда же «руководство Китая фактически дало торжественное обещание народу, что будет сделано всё, чтобы всё население страны, все слои и народности, включая, прежде всего, бедное население, вместе вошли в общество «сяокан», что ни один не останется за его пределами!» (цит. по [2, с. 5]).

В итоге, за сорок с лишним лет проводимых реформ был принят целый ряд конкретных документов: «1984 г. - «Уведомление ЦК КПК и Госсовета о поддержке ускорения преобразования облика бедных районов»; 1994 г. - «Государственный 7-летний план сокращения бедного населения на 80 млн человек (1994-2000 гг.)»; 2001 г. - «Программа борьбы с бедностью в деревне Китая (2001-2010 гг.)»; 2011 г. - «Программа борьбы с бедностью в китайской деревне (2011-2020 гг.)» (цит. по [2, с. 5]). Как указывает Л. Д. Бони в статье «Ликвидация бедности в Китае», на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва 2015 г. были сформулированы четкие критерии «порога» абсолютной бедности и выдвинута программа, «гарантирующая пять важнейших потребностей жизни

- «лянгэ бучоу, саньгэ баочжэн» («две заботы» и «три гарантии»), т. е. не беспокоиться о пище и одежде и иметь 3 гарантии обеспечения нормальной жизни – 9-летнего образования, основных медицинских услуг и безопасности жилья» (цит. по [\[2, с. 91\]](#)).

Все указанные этапы и сопровождающие их директивы так или иначе находят отражение в романе Лян Сяошэна «Я и моя судьба». Его отличительной чертой стало то, что в этом произведении автор, в отличие от писателей, шедших в авангарде литературы о реформах в 1980-е годы, получил возможность оценить не только старт, но уже целую эпоху проводимых в китайском обществе экономических реформ, причем делает он это с «высоты» двадцатых годов XXI века, что позволяет ему нарисовать гораздо более объемную картину и создать более глубокие и объемные характеры своих персонажей.

Помимо Лян Сяошэна, разработку данной темы в новейшей китайской литературе проводят и другие писатели. Например, очень пронзительно и скорее в пессимистичном ключе она реализуется в романе Дун Си (东西, р. 1966) «Переломленная судьба» (篡改的命, 2015), в названии которого также есть слово «судьба» (命). Главный герой этого произведения как ни старался, так и не смог изменить свою судьбу. В итоге ценой собственной жизни он меняет судьбу новорожденного сына, которого отдает на воспитание в состоятельную семью, а сам, согласно условиям сделки, кончает собой. В связи с темой пути к благосостоянию в отражении китайской литературы возникает целый ряд вопросов: какие качества и навыки помогают преодолевать трудности на пути к благосостоянию; как семейные связи и традиции влияют на жизненный выбор персонажей; каким образом культурные нормы формируют представления о богатстве и успехе; все ли измеряется деньгами; какие моральные дилеммы приходится решать людям на пути к состоятельному образу жизни?

Действие романа «Я и моя судьба», начинается осенью 1982 г. Именно тогда на свет появляется главная героиня романа – Фан Ваньжи. Ее семья (родители и две старшие сестры) проживает в глухой горной деревушке. Чтобы показать все отчаяние нищей жизни в деревне тех лет писатель сообщает о том, что прежде, чем родить уже третьего ребенка, родители решили с помощью городского гадала выяснить пол ребенка. Он приводит следующий пассаж: *«Если бы гадание вдруг показало, что я – девочка, то меня, согласно «заранее утвержденному плану», тут же отдали бы другим людям. Об этом они заранее договорились с двумя семьями из поселка у подножия горы. Одна семья согласилась выложить за меня два мешка батата; а другая – тридцать-сорок плиток черепицы. Крыша в нашем доме протекала практически полностью, так что новая черепица требовалась позарез. Но в итоге родители решили, что более выгодно договориться с семьей, которая предлагает батат, в таком случае они бы сэкономили свое зерно, а продав зерно, купили бы уже не тридцать-сорок плиток черепицы, а больше»* [\[5, с. 13\]](#). К счастью, героине повезло – волею судьбы ее мать разрешилась от родов прямо в доме у главной акушерки Юйсяня – городка, располагавшегося прямо у подножия горы. Собственно, в тот же день настоящие мать с отцом оставили дочь в этой благополучной городской семье, понимая, что для новорожденного дитя – это лучший из всех возможных вариантов. Фан Ваньчи узнает горькую правду о своем происхождении только в двадцать лет. Первое чувство, которое испытывает девушка, это сильнейшая жалость к себе и ко всем деревенским жителям: *«Я жалела себя. Жалела за то, что еще до появления на свет моей судьбой успели распорядиться; а еще я жалела жителей Шэньсяньдина, которые в те годы так сильно мучились от нищеты...»* [\[5, с. 14\]](#). Деревенская нищета описывается в ненавязчивых деталях, например, партсекретарь, угощаясь змеиным шашлычком, говорит, *«что уж и не помнит, когда в последний раз ел мясо»* [\[5, с. 103\]](#). Тем не менее, в начале восьмидесятых годов XX в. первые подвижки к

лучшему в деревнях все-таки наметились. Вот как 1982 год описан в романе: *«В тот год право на пользование землей уже передали крестьянам, производственные бригады исчезли и деревни снова стали называться деревнями...»* [5, с. 7]. Передача земли крестьянам стала, пожалуй, важнейшим этапом, который задал вектор всему последующему благожелательному восприятию реформ со стороны народа. Вот как об этом написано в романе: *«В 1982 году крестьяне ждали Дня образования КНР как никогда. Ведь земля теперь перешла к крестьянам, и народ наконец-то получил долгожданную свободу на частную деятельность. Что касается торговли сельхозпродукцией, то ее уже не душили как прежде, разрешалось даже устраивать распродажи зерна»* [5, с. 17].

Далее примерно с промежутком в десять лет писатель на примере самых бытовых ситуаций показывает конкретные перемены в жизни китайских сограждан. Поскольку развитие сюжета происходит одновременно на городской и деревенской площадках, то у нас появляется возможность увидеть проблему заметного социального расслоения китайского общества и как следствие сильного контраста между городом и деревней. Вот как, например, описывается город и деревня образца 1993 года: *«В 1993 году бум поездок крестьян на заработки докатился и до деревни... вся деревня Шэньсяньдин выглядела обветшалой. Молодежь и люди постарше все как один подались на заработки... Поскольку весь молодежь, особенно мужчины, разъехался кто куда, то заниматься строительными работами в деревне было особо некому. Хотя мужики и оставались основной рабочей силой, однако возвращаясь домой, совсем не спешили приводить свои жилища в порядок. Теперь у них появилось новое видение жилого идеала – они мечтали построить на заработанные деньги добротные кирпичные здания, которые впоследствии унаследуют их дети и внуки. А на свои старые домишки они уже давно смотрели свысока. Просто на данный момент им пока что не хватало средств, чтобы осуществить мечту...»* [5, с. 37-38]. Буквально тут же главная героиня замечает, что хотя на тот момент она училась всего лишь в пятом классе, она ощутила сильную разницу в скорости, с которой менялись город и деревня: *«Пускай наш Юйсянь в те годы развивался небыстро, все равно каждый год он преображался и выглядел уже иначе, чем прежде. А вот в Шэньсяньдине за десять с лишним лет произошло лишь одно изменение – он стал совсем заброшенным: все выглядело так, словно жители решили от него отказаться»* [5, с. 38]. Также разительно отличается и внешний облик городских и деревенских жителей. К примеру, когда десятилетняя Фан Ваньчжи впервые приезжает со своей приемной матерью в горную деревню, то она невольно чувствует себя «белой вороной»: *«Круглый год деревенские ребята проводили на открытом воздухе, даже девочки тут были закоптелые, словно трубочисты, я же напоминала нежнейший белый цветочек. Практически все они ходили в заплатках, а у некоторых так и вовсе зияли дыры без всяких заплаток. Моя же одежда, как бы сильно я ее не пачкала, все равно выглядела слишком красивой и чистенькой. Некоторые ребята, несмотря на возраст, еще не ходили в школу»* [5, с. 36].

Далее писатель снова делает скачок примерно в десять лет и перемещает нас в ту же деревню, но уже образца 2002 года: *«Прошло десять лет, деревня преобразилась – на месте полей вдруг появились фруктовые деревья; все улицы были закатаны в цемент; то тут то там возвышались кирпичные дома, причем построенные не из глинобитного, а из темно-серого высокопрочного кирпича, да и черепица поменялась – вместо мелкой рыбьей чешуи теперь на крышах красовались волнообразные плитки крупного размера; какие-то дома уже были возведены, какие-то находились в процессе. И взрослые, и дети*

выглядели намного опрятнее» [5, с. 64]. Когда Фан Вэньчжи приезжает из Шэньчжэня в деревню навестить родню, то у одной из ее сестер как раз строится новый дом, а у другой – дом и вовсе уже построен. Писатель намеренно обращает наше внимание на улучшения в материальном достатке деревенских жителей: «...народ в деревне стал жить лучше, у людей появилась возможность подрабатывать на стороне, поэтому крестьяне, для которых само слово «деньги» несколько поколений подряд звучало как запретный плод, наконец-то воспряли духом» [5, с. 70]. Средняя сестра Фан Ваньчжи искренне хвастается новым трехкомнатным домом, черепичной крышей, а заодно говорит, что теперь у ее сына есть все, что могут позволить себе городские дети. Состояние деревенских улиц в 2002 г. также заметно улучшилось – теперь все они заасфальтированы, не хватило средств лишь на горную дорогу, но как замечает один из персонажей: «Сейчас в уезде собирают необходимые средства, чтобы все-таки довести до ума и ее...» [5, с. 72]. Но, при всем при этом, устами Фан Ваньчжи писатель всякий раз отмечает сильную разницу в темпах изменений, которые происходят в городе и деревне: «...по сравнению с тем, как менялся облик таких городов, как Юйсянь, Линьцзян или Гуйян, улучшения в Шэньсяньдине были ничтожны. Если города все последние десятилетия «шагали в ногу со временем», то Шэньсяньдин в этом смысле продвигался подобно улитке, которая зачастую еще и «крутилась на месте», еле-еле продвигаясь от одного дома к другому» [5, с. 74].

Спустя всего полтора года после этого визита героини в деревню, Лян Сяошэн наглядно показывает резкий рывок, который происходит в облике Шэньсяньдина. В 2004 г. Фан Ваньчжи, посетив родные края, остается под очень приятным впечатлением: «Шэньсяньдин преобразился. За полтора года моего отсутствия дороги на подъем и на спуск были полностью отремонтированы, некоторые из жителей купили минивэны и теперь курсировали между Шэньсяньдином и поселком и даже предлагали перевозки до уездного города. Перевозить приходилось и людей, и товары, работы хватало, и заработать на этом можно было не меньше, чем где-нибудь на чужбине. Да и жителям Шэньсяньдина теперь стало жить удобнее — поездка в город превратилась для них в обычную рутину. Все дома и дворы отремонтированы, в некоторых домах надстроен второй этаж. Теперь в деревне царила чистота, даже площадь была выложена плиткой – на ней, примостившись на низеньких табуретках, болтали вышедшие женщины с детьми... Дети забавлялись с игрушками, причем с такими, о которых их папы и мамы в детстве не могли даже мечтать» [5, с. 243]. В тот же приезд девушка замечает, что в деревне появился свой детский сад – «пусть и не элитный, он находился в самой высокой точке уезда; его построили на деньги уездной управы, чтобы взрослые могли спокойно ехать на заработки, не переживая с кем оставить детей. Здесь работали воспитатели из уездного центра, зарплату которым выплачивало управление по борьбе с бедностью» [5, с. 255]. В какой-то момент свои оптимистичные взгляды на положительные перемены в жизни деревни писатель вкладывает в уста водителя маршрутки. Узнав, что Фан Ваньчжи приехала из Шэньчжэня, тот говорит: «О, Шэньчжэнь, слышал, что раньше там была небольшая рыбацкая деревушка? Скоро и наша деревня превратится в городок, а пройдет еще несколько лет, возможно, еще и переплюнет Шэньчжэнь» [5, с. 243]. Пассажиры в ответ на это дружно смеются, понимая, что быстро развиваются лишь населенные пункты, которые курирует ЦК. Но водитель не сдается и парирует следующим пассажиром: «Разве наш уезд не является первым по борьбе с бедностью? Если за нас отвечает провинция, значит без ЦК тут не обошлось! Значит можно считать, что и нас «обвели кружочком»!» [5, с. 244].

Положительные изменения в облике деревни происходят на страницах этого романа даже раньше, чем официально объявленные планы в этой сфере. Как пишет Литвинова, «в марте 2018 г. было заявлено о планах по улучшению инфраструктуры, водо- и электроснабжения, информационных услуг, и, кроме того, строительству и реконструкции 200 тыс. км сельских дорог» [4, с. 84]. Между тем, героиня романа Фан Ваньчжи, приехавшая в деревню в 2004 г., отмечает положительные изменения уже в самих лицах и поведении жителей, которые теперь *«были не прочь поболтать и посмеяться»* [5, с. 244]. В прошлые два приезда ничего подобного она не видела. Тогда и взрослые, и дети поголовно выглядели угрюмыми и нелюдимыми. Тут же писатель от лица героини добавляет: *«Втайне я порадовалась как за жителей Шэньсяньдина, так и за обоих моих родственников. Надобно знать, что очерстевшие от бедности люди зачастую и вовсе теряют всякую способность хитрить. У тех, кто долгое время живет в крайней нищете коэффициент умственного развития практически сводится к нулю»* [5, с. 247]. Одной из причин столь значительных перемен автор называет освобождение деревенских жителей от земельного налога, более того, им разрешили выращивать все, что они хотят, поэтому теперь шэньсяньдинцы вместо зерна стали выращивать чай. Каждый день поселковая чайная фабрика присылала в Шэньсяньдин машину, которая забирала сырье, при этом *«расплачивались с деревенскими наличными прямо на месте»* [5, с. 244]. Благодаря тому, что приемным отцом Фан Ваньчжи писатель определил мэра города, то из его уст звучат разного рода политико-экономические установки того времени. В частности, именно так мы узнаем об «Отчете о работе правительства» по итогам сессий 2006 года, в котором официально объявлялось об историческом для Китая событии – отмене сельхозналога. От него же мы слышим фразы о работе по искоренению бедности в деревнях: *«Правительства всех уровней действительно много делают для того, чтобы шаг за шагом искоренить в народе бедность и страдания»; «их жизнь тоже меняется: девушки стали носить золотые цепочки и кольца; парни вполне себе могут позволить мопеды; курильщики с простого табака перешли на сигареты; среди молодежи появились студенты университетов; среди уезжающих на заработки есть те, кто получил определенные навыки и стал хорошим специалистом...»* [5, с. 327]. Среди примет нового времени мы встречаем и упоминание о государственном образовательном проекте помощи детям из деревень под названием «Надежда» (希望工程)^[2] – один из героев романа в рамках данного проекта помог построить в горном районе Гуйчжоу одну из школ.

Напомним, что борьба с бедностью была поставлена в качестве главной задачи 13-й пятилетки (2016—2020 гг.). Важнейшую роль в этом сыграл непростой опыт Си Цзиньпина, который уже в 15 лет вместе со всей образованной молодежью Нового Китая принял участие в кампании «ввысь – в горы, вниз – в села», чтобы пройти идейное перевоспитание среди самых бедных крестьян и середняков. В книге «Си Цзиньпин и его истории о преодолении бедности в Китае» подробно рассказывается о важной роли, которую сыграл его семилетний трудовой опыт в деревне Лянцзяхэ. «Не понимать деревню, не понимать жизнь в бедных районах, не понимать крестьян, особенно бедных крестьян, — это означает не знать Китай по-настоящему, не понимать Китай и не быть в состоянии правильно им управлять» [6, с. 2]. Эти и другие высказывания Си Цзиньпина о деревне и ее жителях задают мощный импульс планомерным преобразованиям, которые активно и повсеместно ведутся в сельской местности. Как сообщает в своей статье Л. Д. Бони: «Практически все органы правительства разных уровней, местные правительства экономически более развитых районов, государственные предприятия, а также часть крупных предприятий необщественных форм собственности – все состыкованы с

конкретными бедными районами, уездами, деревнями и выполняют роль шефов и участников борьбы с бедностью» [\[7, с. 11\]](#).

Контрастом деревенскому фону выступает динамично развивающийся Шэньчжэнь. Став в 1980 г. первой специальной экономической зоной (СЭЗ), этот город сыграл без преувеличения ключевую роль в китайских экономических реформах. Как известно, Шэньчжэнь вырос в мегаполис из небольшой рыбацкой деревни и стал не только образцовой моделью для других СЭЗ, но и символом китайского экономического чуда. Как замечают Чжан Хуншэн и Ли Минган, «Шэньчжэнь превратился в историческую категорию и важный образ, несущий в себе представления людей о современности и лучшей жизни» [\[8, с. 124\]](#). Эти же исследователи говорят о том, что для Шэньчжэня, в котором изначально проживало менее 300 000 человек, но более 20 миллионов человек приехали из других провинций, модернизация города и ее влияние на жизнь и дух людей, должны стать самым уникальным литературным ресурсом (см. подробнее [\[8, с. 127\]](#)).

В этом романе Шэньчжэнь предстает как город больших возможностей, который привлекает к себе молодежь подчас даже сильнее, чем Пекин, Шанхай или Нанкин. Вот как об этом пишет Лян Сяошэн: *«В 2002 году жизнь в Шэньчжэне уже кипела во всю. Значительная часть новостей, влиявших на проводимую в Китае политику реформ и открытости, распространялась по всей стране именно из Шэньчжэня. Провинция Гуйчжоу, как и прежде, развивалась медленно и оставалась экономически отсталой. Когда студенты небольших вузов... обсуждали планы на будущее, то в их разговорах зачастую мелькал именно Шэньчжэнь, а не Пекин, Шанхай или Нанкин. Разумеется, попасть в мегаполисы мечтали все, но при этом прекрасно понимали, что зацепиться там ох как сложно. В этом смысле Шэньчжэнь открывал множество прекрасных перспектив, поэтому у выпускников он находился в приоритете»* [\[5, с. 79\]](#). Когда на двадцатилетнюю Фан Ваньчжи сваливается сразу несколько испытаний в личной жизни, то она, особо не раздумывая, бросает университет и улетает именно в Шэньчжэнь.

Страница за страницей мы наблюдаем как меняется облик этого молодого города, при этом нельзя не отметить, что у Лян Сяошэна он романтизирован. Первым впечатлением от Шэньчжэня у Фан Ваньчжи стало то, что в нем повсюду звучали песни: *«Поскольку магнитофоны здесь были «контрабандным товаром», то стоили намного дешевле, чем в других местах Китая; что же касается песен, то в основном их исполняли популярные звезды из Гонконга и Тайваня. Даже небольшие парикмахерские - и те выставляли на улицу свои динамики»* [\[5, с. 80\]](#). Второе, что бросается в глаза – это практически пустые улицы и при этом огромное количество стройплощадок: *«Днем весь народ в основном трудился на стройке или где-то поблизости, поэтому город казался опустелым, пешеходы практически не встречались»* [\[5, с. 80\]](#). Основной рабочей силой здесь являлась приезжая молодежь, в основном с северо-востока Китая: *«На северо-востоке число уволенных по-прежнему не уменьшалось: по словам Яо Юнь, три поколения ее семьи раньше работали на крупном государственном заводе. Ее дедушка вышел на пенсию, но своевременных выплат не получал, а ее саму и ее отца уволили одновременно»* [\[5, с. 120\]](#). Другие отрывки также говорят о том, что на фоне проблем с производством в других частях Китая, в Шэньчжэне ситуация складывалась с точностью до наоборот: *«В то время из уст самых разных приезжих я только и слышала то о полной остановке производства, то о простое предприятий, то о банкротстве, то об увольнениях; между тем в Шэньчжэне мне повсюду встречалась или информация о запуске производства и о появлении новых отраслей, или реклама всевозможных вакансий. Куда ни глянь – от*

центра до окраин, вплоть до пригородов в глаза бросались растущие небоскребы. Несмотря на праздники, на нескольких стройплощадках продолжались работы. Можно было с уверенностью утверждать, что так называемые пригороды уже совсем скоро превратятся в новые районы мегаполиса...» [\[5, с. 138\]](#). Этот «пульсирующий животворящей энергией город» раз и навсегда покорила главную героиню. Он напоминает ей то «подающего надежды юношу, чье блестящее будущее не вызывает никаких сомнений» [\[5, с. 138\]](#), то подрастающую девочку, которая «с каждым днем становился все интереснее и краше» [\[5, с. 319\]](#).

Автор уделяет внимание не только внешнему облику города, но и его качественным характеристикам. В связи с этим в романе выстроен целый сюжет о том, каким образом получали прописку первые жители Шэньчжэня. Поскольку Шэньчжэнь считался специальной экономической зоной, то с самого начала здесь уделялось строгое внимание уровню образования, например, для получения прописки следовало сдать специальный экзамен. Благодаря этому, говорится в романе, «у молодого города появилась возможность оставить у себя лучших специалистов из всех областей» [\[5, с. 148\]](#). В итоге главная героиня успешно сдает экзамен и получает шэньчжэньскую прописку, которая автоматически поднимает ее в глазах окружающих на новый уровень.

Другой характерной чертой города является внимание к общественному порядку. В те годы Шэньчжэнь активно боролся с порнографией, азартными играми и наркотиками. Несколько раз на страницах романа мы наблюдаем рейды полицейских по гостиницам. В этом смысле интересна сцена общения полицейских с Фан Ваньчжи, у которой на тот момент уже имелась шэньчжэньская прописка. Когда полицейские зашли в ее комнату, Фан Ваньчжи почтительно протянула удостоверение личности и постоянную прописку, полицейский «тут же встал по стойке смирно и вежливо отдал честь» [\[5, с. 171\]](#) – среди тридцати с лишним постояльцев, постоянная прописка была лишь у нее, и это вызывало невольное уважение.

Как уже отмечалось ранее, на страницах романа писатель сводит друг с другом людей разных социальных статусов. Например, близкая подруга Фан Ваньчжи – Ли Цзюань стыдится своего деревенского происхождения и искренне замечает: «Ненавижу, когда меня спрашивают, откуда я. Чаще я просто говорю, что из провинции Хэйлунцзян, но некоторые продолжают допытываться, откуда именно. Тогда уже приходится признаваться, что я из деревни. Увы, мне в этой жизни уже не переродиться...» [\[5, с. 171\]](#). Иной раз она шутливо замечает, что у ее «сельской братии совсем другое отношение к деньгам нежели у тех, кому в отцы достался заместитель мэра» [\[5, с. 204\]](#). Естественно, что разные статусы становятся настоящим испытанием для дружбы девушек, которые искренне уважают и любят друг друга, но при этом всякий раз вынуждены учитывать те обстоятельства, которые изначально предопределила им судьба. Отвечая на предложение Фан Ваньчжи финансово вложиться в общее дело, Ли Цзюань говорит буквально следующее: «Мы вообще не должны были становиться подругами, никогда об этом не думала? Ведь ты кто? Дочь мэра! В какой среде ты росла? Неужели ты не понимаешь, что выросла с ореолом? А я с самого детства росла среди бедняков! Я давно уже привыкла к их пересудам, мелочным склокам, интригам и двуличию... Что же до тебя, даже если ты спустишь все деньги, твой папа-мэр просто скажет, мол, будем считать, что это плата за обучение. Если ты почувствуешь, что вдруг утомилась, то сможешь вернуться в Юйсянь... А еще ты можешь обосноваться в Линьцзяне, в квартире твоего папы-мэра, думаю, ее площадь не меньше ста пятидесяти квадратов. Но куда деваться

мне, если вдруг что-то пойдет не так, и я останусь без гроша в кармане? Если я поеду домой и хотя бы полгода просижу там, не выезжая на заработки, что будет с моей семьей?... Дружба с тобой, Фан Ваньчжи, это настоящее испытание, думаешь мне легко быть твоей подругой?» [\[5, с. 208-209\]](#). С такого рода проверкой отношений на прочность сталкиваются многие жители современного Китая, одной из главных примет которого является активная урбанизация. Тема борьбы с бедностью и сильного социального расслоения настолько сильно беспокоит писателя, что в какой-то момент свои размышления он облекает в мысли Фан Ваньчжи, лежащей прямо на операционном столе: *«Какая-то часть населения Китая по-прежнему проживает в деревнях, это наши соотечественники, чей ежемесячный доход составляет примерно тысячу юаней. Среди тех, кто переехал в город, немало людей, еще вчера или позавчера проживавших в деревнях – все это делает отнюдь непростыми отношения внутри подавляющего большинства китайцев. Я всем сердцем болею за то, чтобы беднякам в деревнях оказывалась всесторонняя помощь...Я стала свидетельницей того, как «зеленые горы и изумрудные воды» превращаются «в несметные сокровища», Шэньсяньдин стал тому прекрасным примером»* [\[5, с. 376\]](#). Отметим, что упомянутое героиней выражение «зеленые горы и изумрудные воды – несметные сокровища» представляет собой концепцию, выдвинутую Си Цзиньпином в 2005 г., когда он занимал пост секретаря партийного комитета провинции Чжэцзян. Ее главной идеей является объединение экономического развития с природоохранной деятельностью.

Другим интересным моментом стало то, что писатель придумывает небольшой сюжет, благодаря которому читатель наблюдает за успехами материкового Китая глазами жителей Тайваня. Так, владелец инвестиционной компании – господин Гэн мечтает пересадить чайные кусты из Тайваня в горы материкового Китая и таким образом получить новый сорт чая. При этом инвестирование в провинцию Гуйчжоу с целью помочь тамошним жителям преодолеть бедность он рассматривает как свою миссию. Он говорит буквально следующее: *«Если раньше мы с женой считали себя прежде всего тайваньцами, а потом уже китайцами, то сейчас мы считаем себя прежде всего китайцами, а потом уже тайваньцами. Достижения Китая привлекли внимание всего мира, и мы рады за материк»* [\[5, с. 368\]](#). Такого рода адресная помощь, показанная в романе Лян Сяошэна, демонстрирует те реальные шаги, которые активно предпринимались в Китае в это время. Например, как указывает Ю. Г. Литвинова: «В октябре 2015 г. было начато движение, которое называлось «10 тыс. предприятий помогут 10 тыс. деревень», в нем приняли участие более 60 тыс. частных предприятий» [\[4, с. 83\]](#).

В книге И. Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина» дается подробный обзор изменений, которые произошли в Китае с приходом к власти в 2012 г. Си Цзиньпина. И пускай в наши дни масштаб расслоения общества все еще высок, проблема преодоления бедности в целом решена. Как сообщает автор, весной 2021 г. в Пекине было объявлено «о полном преодолении бедности во всех административно-территориальных единицах страны» [\[3, с. 94\]](#). Тут же приводятся конкретные цифры, что под бедностью в Китае имеется в виду доход менее 2 долларов в день (см. подробнее [\[3, с. 94\]](#)).

Далее предлагаем проанализировать пути, которыми героини романа идут к благосостоянию. Как уже отмечалось выше, у читателя есть возможность проследить сразу за тремя судьбами. Начнем с главной героини – Фан Ваньчжи. Оказавшись в Шэньчжэне, первое, что делает Фан Ваньчжи – это ищет работу: *«Первая работа, которую я нашла, находилась на отдаленной от города стройплощадке. Поскольку*

диплома о высшем образовании у меня не имелось, то работу в офисном здании для так называемых «белых воротничков» я найти не смогла... Свой первый в жизни трудовой договор я подписала с работавшей при стройплощадке столовой – меня назначили помощницей повара. Помощь повару заключалась в том, чтобы выполнять любую работу, которую тебя попросят сделать. Моя ежемесячная зарплата составляла две с половиной тысячи юаней, что было на тысячу больше, чем у любого рядового рабочего на материке. Более того, за хорошую работу здесь в конце года полагалась премия. Представив, что теперь каждый месяц буду зарабатывать по две с половиной тысячи, я подписывала контракт в таком волнении, что у меня дрожали руки и чуть не выскочило сердце из груди» [\[5, с. 81\]](#).

Именно там Фан Ваньчжи знакомится с двумя девушками, судьбы которых в последующем переплетаются с ее собственной. Чтобы понять самоотдачу, с которой трудятся китайцы, достаточно сказать, что столовая, в которой работали повар с сыном и три помощницы обеспечивала трехразовое питание строительной бригады из ста тридцати человек. Писатель не скупится на самые детальные описания физического труда: *«Наши руки, разве что за исключением ночи, практически постоянно мокли в воде – на их долю выпадало и мытье овощей, и промывка риса, и чистка всевозможной кухонной утвари, и мытье тарелок... Для приготовления одного только обеда требовалось промыть около восьмидесяти цзиней риса; сделать это вручную не представлялось возможным, поэтому тут в ход шла лопатка. Когда я делала это в первый раз, у меня уже через несколько минут перехватило дыхание и едва не отвалились руки. Но больше всего нас добивали пирожки. Обычно каждый из парней съедал их штук по семь... Таким образом, если подсчитать общее количество, требовалось налепить около тысячи пирожков. В полдень надлежало не только перемыть целую гору овощей, но еще и успеть все их порубить до окончания рабочей смены, потому как парни настолько уматывались на стройке, что после работы валились с ног от усталости и, даже не поужинав, ложились спать»* [\[5, с. 84\]](#). Как сообщает в сборнике статей «Голоса азиатской литературы» Ф. Вильямс, городские работодатели предпочитали нанимать сельских мигрантов из-за их выносливости в тяжелых и порой опасных условиях труда, которые могли работать целыми днями с незначительной или нулевой оплатой сверхурочных [\[9, с. 368\]](#).

При всем при этом девушки обнаруживают удивительную жизнестойкость, похоже, что их никогда не покидает стойкое желание заработать еще больше денег. Например, когда подходят выходные в связи с Днем образования КНР, девушки принимают решение подработать певицами в уличных ресторанчиках Шэньчжэня. Показателен случай про то, как в последний день подработки у них порывом ветра унесло целых пятьсот юаней. Что-то они поймали, но две сотенные купюры попали в грузовик, который в это время заполнялся цементом. Несмотря на это девушки ринулись за деньгами прямо в цементную жижу. Сто юаней им вернуть так и не удалось, в связи с чем Фан Ваньчжи сокрушается: *«И горевали мы уже не из-за потерянных ста юаней, а из-за непростых отношений, которые складываются у мигрантов с деньгами. После того случая мы стали друг другу еще ближе»* [\[5, с. 91\]](#). Другим показательным отрывком, характеризующим мигранток, является то, как они отстояли заслуженную премию, которой их собирались лишить. Ради получения денег девушки пошли на хитрость и, вооружившись бутылками якобы с ядохимикатами, инсценировали готовность к самоубийству. Как видим, всех трех героинь объединяет острая жизненная необходимость заработать деньги. После окончания контракта девушки на какое-то время расстаются, каждая выбирает собственный путь к обогащению и процветанию.

Фан Ваньчжи на какое-то время устраивается сиделкой в больнице. Чуть позже у нее появляется мечта о шэньчжэньской прописке. Для этого она проходит три собеседования и в итоге устраивается на упаковочную фабрику, что дает ей право сдать единый экзамен на «качество резидента». Для оформления прописки также потребовалось рекомендательное письмо от организации, в которой имеется полугодовой стаж работы. Успев за это время пройти путь до начальницы цеха, в 2003 г. Фан Ваньчжи получает прописку в Шэньчжэне. Ее следующей серьезной целью становится получение аттестата об окончании вечернего университета. В тот же год она регистрируется на шэньчжэньской бирже. В итоге, и здесь у нее все складывается более, чем удачно: *«За пятьдесят тысяч юаней я купила пять акций, которые в следующие два месяца то замедляя, то активно повышая свой рост, неуклонно поднимались в цене. При этом стоимость одной из акций выросла с десяти чуть ли не до восьмидесяти тысяч»* [5, с. 160]. Наконец, на доходы от акций она покупает помещение, в котором вместе с подругой, Ли Цзюань, обустраивает жилье и супермаркет. Открытие супермаркета приходится на январь 2004 года. Напомним, что это произошло спустя всего четыре года после переезда главной героини в Шэньчжэнь. Вот как звучит ее собственная оценка достижений, а заодно и понимание ценности дружбы: *«Помнится, когда я только-только приехала в Шэньчжэнь и вместе с Ли Цзюань и Цяньцянь ютилась в кузове грузовика — там вообще было не развернуться. Кто бы мог подумать, что спустя год с небольшим мы с Ли Цзюань откроем свой мини-маркет, и нам больше не понадобится тратить деньги на аренду жилья. Теперь я с благодарностью оценила свою трудовую жизнь и вдвойне прониклась любовью к Ли Цзюань. Если бы в моей жизни не было Цзюань, разве бы я осмелилась стать маленьким боссом? Даже имея такое желание и необходимую сумму денег, у меня не хватило бы на такое отваги и сил!»* [5, с. 220-221]. В этой связи интересной представляется мысль Ф.Вильямса, который анализирует образы трудовых мигрантов в китайской литературе начала XX века. На примере романа Лао Шэ «Рикша» он указывает на то, что в литературе 1920-1930-х годов мигрант-рабочий часто изображался как несколько «пассивный» персонаж, «без какого бы то ни было генерального плана» [9, с. 49]. По его словам, писатели предпочитали изображения мигрантов, которые преуменьшали важность родственных и других связей для адаптации в новой среде. Как следствие такие мигранты «подвергаются ударам сил, намного больших, чем они сами» [9, с. 49].

В романе Лян Сяошэна мы наблюдаем совершенно иную картину, у девушек есть четкий план и стратегия его выполнения. Уже в 2006 г. подруги расширяют бизнес и арендуют новую торговую площадь, а на месте старой, уже выкупленной – открывают аптеку. Примечательно, что в построении судьбы писатель отмечает не только роль денег, но еще и близкого окружения. В этом смысле Фан Ваньчжи повезло не только с подругой, но и с мужем. Ближе к тридцати годам она переезжает в Шанхай и устраивается на работу в инвестиционную компанию, где ее назначают руководителем проекта по выращиванию нового сорта чая в Шэньсяньдине – в той самой деревне, откуда она была родом. Такой замкнутый виток сюжета в каком-то смысле демонстрирует миссию Фан Ваньчжи, которая видится не столько в собственном обогащении, сколько в улучшении благосостояния земляков. Все эти достижения проходят на фоне борьбы героини с онкологией. Тем не менее, размышляя о своей судьбе, она сама себе признается: *«Я счастлива в любви, у меня прекрасная семья и замечательные друзья – а это три главных богатства в жизни человека, чего еще желать?»* [5, с. 376].

У Ли Цзюань, ставшей близкой подругой Фан Ваньчжи, судьба складывается несколько иначе. Ее путь в силу неблагоприятных стартовых условий оказался более ухабист. На

ее плечах лежит забота о пожилых родителях и больном брате, которые проживают в далекой деревне в северо-восточной провинции Хэйлунцзян. Гибель любимого человека, разрушившая ее личную жизнь, добавила финансовых обязательств и перед его родственниками. Однако, благодаря самоотверженному труду, жизнелюбию и особой деловой хватке она добивается больших успехов. Дружба с Фан Ваньчжи также сыграла свою роль. На какой-то момент, желая заработать больше денег, Ли Цзюань устраивается на должность менеджера ночного клуба, однако Фан Ваньчжи, понимая все соблазны легкого заработка, уговаривает ее сперва пойти поработать на фабрику, а затем предлагает вложиться в общее дело. Шаг за шагом они вместе выстраивают свой путь к благосостоянию и достаточно быстро обретают финансовое благополучие. После отъезда Фан Ваньчжи в Шанхай, Ли Цзюань, помимо супермаркета и аптеки, открывает в Шэньчжэне еще и магазин одежды. К этому моменту она перевозит в Шэньчжэнь младшего брата и покупает в кредит себе и брату по *«квартире в шестьдесят с лишним квадратных метров»*. Ее девиз по жизни – *«хочешь жить – умей вертеться»*. Такой настрой приводит к тому, что к своим сорока годам она берет на себя еще и управление транспортной компанией, а также становится членом народного политического консультативного совета, а кроме того – зампрединдентом торговой палаты одного из районов Шэньчжэня.

Совершенно иной жизненный путь складывается у третьей девушки по имени Цяньцян. Работая помощницей в столовой на стройплощадке, она принимает ухаживания сына повара и в итоге обнаруживает, что беременна. После завершения контракта она вместе с отцом будущего ребенка уезжает в его деревню, где выходит замуж и рождает сына. Однако вскоре она встречается богача, становится его любовницей и бросает мужа с ребенком, откупившись от них деньгами. Почти год она проводит в Европе, ведя богемный образ жизни, после чего наконец встречается с подругами в Шэньчжэне. Во время этой встречи происходит страшный инцидент – ее выслеживает брошенный муж, который в общей потасовке случайно ранит ножом Ли Цзюань. В итоге Ли Цзюань после сложнейшей операции теряет одну почку, а Цяньцян, понимая весь трагизм ситуации, выплачивает ей компенсацию за лечение, а также приобретает для Цзюань права на собственность магазина. О дальнейшей судьбе Цяньцян писатель ничего не сообщает, но сюжетная линия с участием данного персонажа важна уже потому, что как нельзя лучше высвечивает моральные дилеммы, стоящие перед жителями современного Китая.

Каждая из девушек на пути к обогащению оказывается в ситуации морального выбора и вынуждена в той или иной степени идти на компромисс со своими представлениями о достойном и недостойном. Прежде всего обратим внимание на противоречивое отношение к деньгам у Фан Ваньчжи. По ее словам, она их *«одновременно боготворила и ненавидела»*. Оказавшись в Шэньчжэне, она наблюдает, как переселенцы *«готовы сжечь за собой все мосты, только чтобы двигаться вперед, прокладывая все новые и новые пути – власть денег в этом горячем регионе проявляла себя во всей своей красе...»* [5, с. 125]. При этом сама она все еще не готова принять новую эпоху. Объясняет она это следующим образом: *«До приезда в Шэньчжэнь... мое уважение к людям никогда не измерялось деньгами. Более того, одним из условий моего уважения к окружающим было как раз то, чтобы те поменьше говорили о деньгах. Если же они то и дело касались этой темы, я тотчас причисляла их к разряду «приземленных обывателей»*. Уехав за пределы родной провинции, я часто видела, как люди пресмыкаются перед некоторыми своими собратьями, уважают их и гордятся знакомством с ними лишь потому, что те богаты, – даже если это знакомство шапочное. Сталкиваясь с реальностью, мои ценностные ориентиры то и дело разбивались вдребезги» [5, с. 125].

Такого рода дезориентация вполне объяснима, ведь Фан Ваньчжи оказывается

причастной одновременно к двум разным социальным группам – ее приемные родители относились к классу интеллигенции, а сама она на первом этапе решила связать свою жизнь с торговлей. Как замечает Н. А. Спешнев в своей книге «Китайцы: особенности национальной психологии»: «Отношение китайцев к деньгам традиционное и зиждется на этических нормах. Пословица гласит: «Интеллигентный человек (*шидафу*) стыдится говорить о выгоде». Здесь имеется некоторый парадокс. Хорошо известно, что, скажем, торговец всегда думает о личной выгоде, но торговцы не принадлежат к *шидафу*. Китайская интеллигенция с некоторой опаской относится к богатству, славе и власти» [\[10, с. 272\]](#).

Вступив в самостоятельную жизнь, Фан Ваньчжи становится более практичной. Она чувствует, что во многом изменилась, теперь одной из ее черт стала «жадность до денег». Она то и дело испытывает самое настоящее благоговение перед деньгами и ничего не может с этим поделать. Иной раз она возится с деньгами просто, чтобы развеять гнетущие мысли – у бумажных купюр расправляет уголки, разобранные по кучкам монетки заворачивает в новую бумагу. «Какая прекрасная вещь деньги, – размышляет она, – даже если на них просто смотреть и не тратить, это все равно приносит удовольствие» [\[5, с. 228\]](#). Забавно, что во время сестринской клятвы, которую произносят подруги, их переполняют меркантильные интересы, но чувство меры у них присутствует: «Хочу, чтобы, зарабатывая деньги, мы не думали об огромном богатстве и влиянии, но при этом получали бы свой горшочек с золотом. Пусть наш денежный ручей будет течь долго и никогда не иссякнет. Прошу... чтобы мы как можно скорее стали обеспеченными людьми, у которых есть дом, машина и несколько миллионов сбережений...» [\[5, с. 226\]](#). Работая в супермаркете, днем девушки только и мечтают о том, как бы раскошелить покупателей, чтобы ни один из них не ушел, не потратив хотя бы сотню юаней, а вечерами усаживаются друг напротив друга и, пересчитывая заработанные деньги, строят новые планы.

В то же время, постигнув «самодостаточность» денег, Фан Ваньчжи невольно испытывает к ним отвращение. По ее словам, это было «отвращение с примесью страха – страха того, что их «самодостаточность» превосходит все, что можно» [\[5, с. 97-98\]](#). Охваченная противоречивыми чувствами, она отчаянно восклицает: «Деньги, деньги, эти чертовы деньги... я и правда не понимаю, как именно следует к ним относиться. И все же я была очень признательна своим деньгам – те средства, что лежали на двух моих сберкнижках, обеспечили мне, приехавшей на заработки девушке, вполне безоблачную и достойную жизнь! Так что воротить нос от денег с моей стороны было бы слишком высокомерно» [\[5, с. 126\]](#). При этом важно отметить, что Фан Ваньчжи четко понимает ту грань, за которую нельзя переступать и того же требует от подруги, которая устроилась менеджером в ночной клуб.

Ли Цзюань в отличие от Фан Ваньчжи не имеет никакой подушки безопасности. Сложная финансовая ситуация рождает у нее соответствующее отношение к возможным подработкам. Когда подруга укоряет ее за работу в ночном клубе, Ли Цзюань отвечает: «Ничем непотребным я не занималась. В этом плане я так же чиста, как и ты. Так что я не считаю, что опозорила тебя. Единственное чем я занималась, так это составляла компанию за столом и пела песни... Я никогда не опускалась до того, чтобы кланчить у мужчин деньги, но если они сами готовы меня вознаградить, я с удовольствием их принимаю» [\[5, с. 180\]](#). Ли Цзюань чувствует себя гораздо свободнее в своем выборе заработка. Она готова упорно работать и откладывать деньги только ради того, чтобы ее родители успели хотя бы несколько лет пожить нормальной жизнью, чтобы младший брат

обзавелся семьей, чтобы сын ее погибшего возлюбленного поступил в университет. По словам Фан Ваньчжи, *«каждый юань она зарабатывает и сохраняет не для себя, а для других»* [5, с. 261]. В этом она видит свой основной моральный долг.

Цяньцянь, в отличие от подруг, сосредоточена исключительно на себе. Она из тех, кто добивается желаемого любой ценой. Встретив толстосума, она осознает, что новые отношения сложно назвать путными: *«Я просто любовница, которая зацепилась за женатого мужчину, он меня содержит. Но я такому положению дел безумно рада. Выбирая между праздной жизнью и изнурительной работой, я однозначно выбрала первое и никогда об этом не пожалею. Тем более, что он меня любит и готов тратить на меня деньги. Он дал Лю Чжу двести тысяч, чтобы тот меня отпустил. Двести тысяч, разве этого мало? К тому же, я оставила семейству Лю этого карапуза, который больше года не давал мне спать, так что в пострадавших тут точно осталась я!»* [5, с. 285]. Такой эгоизм немного скрашен лишь ее отношением к старой дружбе. Купаясь в деньгах, Цяньцянь приглашает подруг за ее счет прогуляться вместе с ней в Гонконг и Макао, а еще в Сингапур, Малайзию, Таиланд и Японию. *«Вы же мои сестры, - говорит она, - так что пользуйтесь случаем, пусть это будет вам на пользу»* [5, с. 266].

Как видим, понимание того, что «можно», а что «нельзя», у каждой из героинь разное, и зависит оно, прежде всего, от их воспитания и ценностных установок, которые как правило закладываются в семье. Размышляя о морали и процессе формирования «хорошего человека» в этом романе, исследователь из Пекинского университета языка и культуры Хань Вэньи отмечает: «Создание образа «хорошего человека» в литературных произведениях и распространение культуры «хорошего человека» уже давно является творческим устремлением Лян Сяошэна. Героиня Фан Ваньчжи в романе «Я и моя жизнь» продолжает воплощать вышеизложенные идеи» [11, с. 14]. От себя добавим, что Фан Ваньчжи несет в себе заряд таких традиционных ценностей как любовь к ближнему, умение дружить, стремление помочь тем, кто в этом нуждается.

Что же касается восприятия китайцами благосостояния, то немаловажную роль здесь играет их традиционное отношение к богатству и власти. Как известно, богатство входит в «пять проявлений счастья», о чем свидетельствует такой древний памятник как «Шуцзин». Помимо богатства, к проявлениям счастья относились: долголетие, здоровье тела и спокойствие духа, любовь к целомудрию и спокойная кончина (см. подробнее [10, с. 271]). В романе достаточно четко просматривается связь традиционной культуры и современности в вопросах отношения к деньгам. К примеру, одна из героинь весьма строго руководствуется установками, принятыми в народе, поэтому говорит так: *«Денежные вопросы должны четко решаться даже между родными братьями, так было на протяжении веков. Что-то я ни разу не слышала, чтобы братья были не в ладах друг с другом из-за договоренностей! Зато приходилось слышать, как становились врагами родные братья, которые не договорились, как будут делить прибыль!»* [5, с. 208]. Кроме того, в романе присутствуют интертекстуальные вставки, указывающие на конкретные сюжеты из древней истории Китая, которые как нельзя лучше демонстрируют отношение китайцев к финансовым вопросам. Например, одна из героинь вспоминает историю под названием «Цинь Цюн закладывает булаву», мудрость которой состоит в том, что *«нехватка медяка делает беспомощным даже героя»* [5, с. 126]. Также на страницах романа воспроизводится история из «Станных историй из кабинета неудачника» (聊斋志异) Пу Сунлина (蒲松龄, 1640-1715). В ней повествуется об охотнике, которого звали Седьмой Молодец. Его матушка впадала в беспокойство всякий раз, когда богатый знакомый сына хотел сделать ему добро или помочь материально. Седьмой Молодец

никак не мог взять в толк – почему, и тогда матушка ему объяснила: *«Люди богатые платят другим своими деньгами, бедные люди платят другим собственной верностью»* [5, с. 206]. Не обошлось в этом романе и без упоминания Бога богатства Цайшэня, которому традиционно поклоняются китайцы (см. подробнее [5, с. 226]).

Читая роман, можно увидеть отношение китайцев к подаркам и подношениям, при этом писатель указывает, что в современном Китае появился ряд ограничений, продиктованных политическими и экономическими интересами. К примеру, вспоминая свое детство, Фан Ваньчжи говорит: *«В те годы никакого «регламента из восьми пунктов» не существовало, принятие любых подношений, кроме денег, никаким «разложением» не считалось. На местах не было разграничений между тем, что считать «разложением», а что – нормальными «человеческими отношениями»... Иной раз на новогодние праздники наша кладовая под завязку наполнялась всякого рода продуктами, которые уже не было возможности кому-то передарить»* [5, с. 49]. Напомним, что с приходом в 2012 г. к власти Си Цзиньпина, он «запустил масштабную антикоррупционную кампанию» [3, с. 36]. Однако, какие бы законы не принимались, в отношениях между людьми чаще берут верх уже укоренившиеся ценности, которые вызывают соответственные поведенческие реакции. Судя по содержанию романа, даже в 2010-х гг., подарки и взятки среди чиновников и предпринимателей никуда не делись. Тем не менее писатель обращает наше внимание на то, что героиня ведет с подобными явлениями активную борьбу. Яркой приметой нового времени является упоминание в тексте так называемых дисциплинарных комиссий [3]: *«Также я столкнулась с вымогательством взяток как напрямую, так и в замаскированном виде. Похоже, чтобы выполнить определенный пункт проекта, мне непременно требовалось кого-то подмазать. Разумеется, у меня имелся некоторый стартовый капитал, которым я могла распоряжаться по своему усмотрению, однако такого рода бездарные траты сильно охлаждали мой пыл. Подписавшись своим именем, я сообщила о незаконных действиях в дисциплинарные комиссии всех уровней. В итоге, некоторых начальников наказали, назначив взыскания, а некоторых и вовсе сместили с должностей. Ну, а я таким образом нажила врагов»* [5, с. 370]. Как отмечает О. Ю. Адамс, с приходом к власти Си Цзиньпина в Китае «была выдвинута новая концепция борьбы с коррупцией... В 2014 г. судами всех уровней было рассмотрено 31 тыс. дел о коррупции и взяточничестве, наказания вынесены 44 тыс. человек» [12, с. 213].

Кроме того, встав во главе инвестиционного проекта Фан Ваньчжи отказывается от пышных банкетов с чиновниками, что также является приметой нового времени. Подобные описания можно встретить и в романах XXI века других китайских писателей. Например, процесс перерождения власти наглядно отражается в романе Лю Чжэньюня (刘震云, р. 1958) «Дети стадной эпохи» (吃瓜时代的儿女们, 2017). В тексте романа мы находим пассажи, в которых прямым текстом говорится о борьбе с коррупцией и роскошным образом жизни: *«Последние несколько лет ЦК утвердил так называемые "восемь правил", в соответствии с которыми чиновникам запрещалось излишнее чревоугодие...»* [13, с. 148-149]; *«Так как это был деловой визит, спиртного за обедом не было, поэтому Ли Аньбан произнес несколько тостов, поднимая чашку с чаем»* [13, с. 172].

С другой стороны, героиня романа «Я и моя судьба» четко осознает простую истину: у кого деньги – тому и поклоняются. Это проявляется в обычных бытовых сценах. Стоило двум подругам понять, что теперь их общая знакомая Цяньцзянь, благодаря свалившимся на нее деньгам имеет гораздо более высокий социальный статус, как роли девушек при

общении с ней тут же меняются. Вот что при этом чувствует Фан Ваньчжи: *«Я заметила, что наши отношения изменились – когда мы втроем работали помощницами на кухне, роль старшей принадлежала Цзюань, в то время как я и Цяньцян всегда ей подчинялись. Но теперь главной стала Цяньцян... Например, когда она предложила сделать фото на память, мы тут же пристроились к ней, оставив для нее место в центре... Когда же мы сфотографировались, я тут же взяла камеру Цяньцян и повесила себе на плечо... В свою очередь Цзюань купила зонтик и теперь носила его над Цяньцян, объяснив это тем, что у той самая белая кожа, которую следует беречь и прятать от солнца»* [5, с. 266-267].

С другой стороны, китайцы осознают за собой определенное право на получение материальных благ со стороны богатых знакомых или родственников. И это тоже имеет отношение к традиционной китайской культуре, в которой принято проявлять заботу о близких людях. Вот как это отражается в тексте: *«В народе ходила поговорка: когда человек постигает Дао и поднимается в горы, его животные идут вслед за ним. В ней содержится намек на то, что если кто-то в семье делает успешную карьеру и получает высокий пост, то каждый из его родственников, будь то привратник или носильщик паланкина, греется в лучах его славы, чувствуя себя важной персоной»* [5, с. 125].

На всем протяжении романа Лян Сяошэн рассматривает вопросы бедности или обогащения не сами по себе, а в тесной взаимосвязи с семейными ценностями и той поддержкой, которую в Китае традиционно оказывают друг другу родственники и земляки. Большую роль здесь играют так называемые гуаньси – связи, знакомства. Как указывает проф. Н. А. Спешнев, «регулятором гуаньси выступает такое явление, как жэньцин, которое имеет несколько значений: во-первых, это человеческие чувства, во-вторых, сумма благодеяний (одолжений, любезностей) материального, социального или эмоционального плана, который один человек может оказать другому и на возврат которых (или их эквивалента) он в праве рассчитывать в подходящий момент» [10, с. 138]. В романе подобного рода гуаньси писатель демонстрирует на примере знакомства девушек с земляком Фан Ваньчжи, Чжан Цзягуем, который оказывает им всяческую помощь как материального, так и эмоционального характера. В итоге, когда он тяжело заболевает, Ли Цзюань из самых добрых побуждений выходит за него замуж и ухаживает за ним вплоть до самой его кончины.

Впрочем, однозначной тему человеческих взаимоотношений, не назовешь. Автор то и дело демонстрирует как плюсы, так и минусы общения бедных и обеспеченных родственников. В первую очередь, писатель говорит о важном значении для человека стартовых условий. Приемная семья, в которой выросла главная героиня, была не только обеспеченной, но еще и авторитетной. Соответственно родители, использовали свое влияние, помогая дочери добиться в жизни определенных высот. Например, Фан Ваньчжи поступила в лучшую школу города, и лишь окончив ее, узнала, что при поступлении ей на самом деле не хватало семи-восьми баллов. Что касается финансового благополучия, то сама героиня, вспоминая о детстве и юности, признается: *«Пока я училась в школе, то не знала отказа в деньгах и ни в чем не испытывала недостатка. Выражаясь иначе... я могла получить практически любую вещь, если она не была из мира фантазий и уже где-то производилась»* [5, с. 48]. Более того, приемная мать побеспокоилась даже о будущем дочери и перед своей смертью вручила ей две сберкнижки: на одной лежало двадцать с лишним тысяч юаней от бабушки-соседки, которая помогала растить Фан Ваньчжи, а на другой – почти сто тысяч личных накоплений.

Отношение к семейным ценностям, которое веками формировалось в китайской культуре, раскрывает одну непреложную истину – родственники просто обязаны помогать друг другу. Иной раз такого рода обязанность доведена до комизма. Здесь вспоминается самое начало романа Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» (我不是潘金莲, 2012), в котором главная героиня Ли Сюэлянь ищет содействия у судьи, который приходится ей дальним родственником, причем настолько дальним, что выяснение родственных уз писатель намеренно растягивает на полстраницы китайского текста (см. подробнее (14, с. 4). Подобная ситуация происходит и в романе Лян Сяошэна. Когда узнав правду о своем происхождении Фан Ваньчжи приезжает в деревню, чтобы познакомиться с родственниками, те воспринимают ее как потенциальную помощницу. Вот, например, что говорит своей дочери ее средняя сестра при первом визите Фан Ваньчжи в их дом: «... для тебя она родная тетя! Ее отец – большой начальник, мама – известный человек, так что родственники у тебя из знатной семьи, тебе и твоему брату обеспечено большое будущее!... Быстро запиши адрес тети, будешь писать ей письма от всех нас, а то забудет про нашу семью, и где ты потом еще такую тетю найдешь?» [5, с. 71]. Именно с тех пор на плечи Фан Ваньчжи сваливается груз бесконечных проблем от людей, которых она «знать не знала», но которые называли ее своей родственницей. Зная, что ее отец – мэр, «родственники» просили уладить для них то одну, то другую проблему. А поскольку мужа обеих сестер также считались родней, то количество страждущих росло в геометрической прогрессии. Иной раз их наглость просто обескураживает: родственники и земляки поджидают девушку то рядом с общежитием, то у входа в аудиторию. Свое поведение они обосновывают так: «Кто просил тебя быть одной из наших?» [5, с. 77]. В итоге именно из-за них героиня, так и не закончив обучение, приняла решение сбежать из университета.

Вместе с тем в ходе повествования писатель показывает, как постепенно меняется отношение Фан Ваньчжи к родственникам. Поначалу верх в ней берет смятение и даже отвращение к своей роли спасительницы, поскольку поначалу она и правда мало чем могла им помочь. Приехав в деревню в первый раз, она всего лишь хотела убедиться, что «впредь может жить со спокойным сердцем», ей было «невыносимо думать, что ее сестры несчастны». Более того, ею руководит желание откупиться от бедных родственников: «В каждый из конвертов я положила ровно по три тысячи юаней. В 2002 году это были немалые деньги... Деревенскую семью подобная сумма вполне могла спасти от безнадёжного положения. Впрочем, самой мне тоже потребовалась изрядная решимость, чтобы взять и за просто так отдать сразу девять тысяч. Надо понимать, что в то время сама я еще не зарабатывала: всё, что я тратила, принадлежало родителям... Я пошла на это, чтобы разорвать будущие отношения. Я слишком боялась, что у меня появится слишком много бедных родственников. Сказать честно, боялась до ужаса... С помощью девяти тысяч юаней мне хотелось со спокойной совестью раз и навсегда от них откупиться!» [5, с. 74-74].

Внутри главной героини идет сложная борьба между собственными представлениями о счастье и высокими моральными установками, которые взращивали в ней приемные родители. Сюжетные ходы в романе выстроены таким образом, что постепенно к ней приходит осознание, что ее помощь оказывает самое благоприятное воздействие, когда семена закладываются в нужную почву. Вот какие чувства испытывает Фан Ваньчжи, узнав о поступлении племянника в армию: «Это письмо наполнило мое сердце радостью, я чувствовала, что мои усилия были оплачены с лихвой, и потраченные на это пять тысяч абсолютно точно того стоили. Пусть даже он не станет офицером, рассуждала я, все равно, вернувшись в Шэньсяньдин, он уже будет выгодно отличаться от прошлых

поколений жителей деревни: я верила, что «армия – это прекрасная школа»» [5, с. 99]. Шаг за шагом писатель показывает, как к героине приходит ощущение ценности своего существования. В итоге, когда дела у нее идут в гору, она принимает решение взять на себя ответственность за образование еще одного племянника. К двадцати шести годам у нее уже имеется прописка в Шэньчжэне, она становится законной горожанкой. Она – самая перспективная среди всех родственников и единственная, кто может вытащить из бедности три поколения своей семьи. Вся сложность состоит в том, что далеко не все родственники воспитаны и понятливы. Например, средняя сестра после смерти мужа буквально шантажирует Фан Ваньчжи: *«Думала, что если взяла себе фамилию Фан, то перестала быть одной крови с семьей Хэ? Да сними ты хоть три слоя кожи, все равно останешься моей сестрой! Думала, если стала дочерью мэра, то о сестринских отношениях можно и забыть?»* Потом она смягчает свой тон, хотя сути ее просьба не меняет: *«Сестренка, ты не можешь оставить меня в этом болоте! Если не выручишь, мне остается только помереть!..»* [5, с. 252]. В итоге из-за фактических родственников из Шэньсяньдина, постоянно требующих финансовой помощи, отношение Фан Ваньчжи к деньгам достаточно противоречивое. Но, как бы то ни было, постепенно она начинает воспринимать борьбу с бедностью как свою миссию. Когда ей предлагают стать во главе инвестиционного проекта по выращиванию чая в Шэньсяньдне, она, несмотря на серьезное заболевание, все силы отдает работе, и такой выбор объясняет следующим: *«Каким бы сложным ни был проект, если он приносил помощь бедным, я должна была его продолжать. В противном случае я бы превратилась в посмешище»* [5, с. 371].

Фан Ваньчжи – не единственная героиня романа, которая демонстрирует такой пример самоотдачи. Показателен в этом смысле сюжет с выплатой компенсации семье погибшего жениха Ли Цзюань. По словам Ли Цзюань, воинская часть выплатила его семье достаточно большое пособие, но поскольку у погибшего было три брата, родители и семья дяди, то все деньги тут же разошлись среди родственников. Ли Цзюань объясняет это очень просто: *«У народа есть своя правда...Чтобы доброе имя командира Чжоу не пострадало, первым делом следует удовлетворить нужды всех родственников»* [5, с. 200].

Пожалуй, самые важные слова о борьбе с бедностью и роли в ней семейных отношений писатель вкладывает в уста приемного отца Фан Ваньчжи на семейном торжестве. Поскольку в прошлом тот занимал пост мэра, то вполне естественно, что в его речи присутствуют некоторые канцеляризмы: *«По словам Маркса, человек – это совокупность всех общественных отношений. Тогда выходит, что у подавляющего числа китайцев, которые уже превратились в горожан, на самом деле имеются родственники, проживающие в деревнях... Поэтому план по борьбе Китая с бедностью в том числе направлен и на то, чтобы создать благоприятные условия работы и жизни для тех, кто уже перебрался в город. Большинству людей сложно оставаться спокойными и безмятежными, зная, что их родственники все еще не выбрались из бедности, они не могут делать вид, что это их не касается!.. Государственная поддержка, какой бы щедрой она ни была, не в силах полностью заменить ответственность родственников, поэтому... борьба с бедностью должна осуществляться как со стороны государства, так и со стороны родственников...»* [5, с. 336]. Как нам видится, в этих словах заложены не только приоритетные задачи Китая, выдвинутые Си Цзиньпином, но и укоренившаяся в психологии китайцев ценность семейных уз.

Проводя параллели с другими произведениями китайской современной литературы, в которых на первый план выводится тема благосостояния и пути к китайской мечте, хочется вспомнить роман Дун Си «Переломленная судьба» (2015), главным героем

которого является ставший мигрантом деревенский парень Ван Чанчи. Печальная картина, которую рисует писатель в этом романе, скорее говорит о социальной и этической деформации, нежели о повышении качества китайской нации. *«Соппротивление героев бесконечным трудностям ведет их к личностной деградации. Так жена Ван Чанчи занимается проституцией, а переехавшие к ним родители просят милостыню на улице. Когда в их семье рождается ребенок, то Ван Чанчи, чтобы не испортить судьбу сына, решает совершить некое чудо, и отдает его на воспитание в семью богачей»* [15, с. 350]. Интересно, что именно с такого сюжетного хода начинается и роман Лян Сяошэна, главная героиня которого сразу после рождения остается в обеспеченной и влиятельной городской семье. Однако, если роман Дун Си явно несет обличительную окраску, то в романе Лян Сяошэна такого акцента не ощущается. Если Дун Си изображает *«духовный облик своих современников, которые растрачивают и теряют себя, приспособляясь к безжалостному и изменчивому миру»* [15, с. 357], то у Лян Сяошэна «безжалостный и изменчивый мир» закаляет героиню, открывая им новые возможности.

Многие из современных китайских авторов задаются вопросом, как не растерять человеческие ценности, как выстоять духовно и физически под очарованием эпохи экономического чуда. Неприглядные стороны современного китайского общества находят отражение в романах «Страна вина» (酒国, 1993) Мо Яня (莫言, р. 1955), «Дети стадной эпохи» (吃瓜时代的儿女们, 2017) Лю Чжэньюня (刘震云, р. 1958), «Братья» (兄弟, 2005-2006) Юй Хуа (余华, р. 1960), «Сестрички с Севера» (北妹, 2004) Шэн Кэи (盛可以, р. 1973), «Гора Тяньдэншань» (天等山, 2016) Фань Ипина (凡一平, р. 1964). Их герои, несмотря на разный социальный статус, ставят во главу культ денег, подвергаясь пагубному влиянию меркантильных ценностей. Персонажи этих произведений *«заражены жадой выгоды, в цене у них расчетливость, меркантильность и обман»* [16, с. 66]. Как отмечают Чжан Хуншэн и Ли Минган, которые анализировали произведения Мо Яня, Ли Пэйфу и Дэн Игуана о Шэньчжэне, «великие перемены, вызванные модернизацией, привели к материальному процветанию, но в то же время они привели к утрате и вырождению человеческой природы» [8, с. 124].

В отличие от перечисленных произведений, роман Лян Сяошэна «Я и моя судьба», обнажая проблемы социального неравенства и трудовой миграции, все-таки делает акцент на успешном преодолении материальных и моральных вызовов. Соответственно писатель фокусирует наше внимание на достойных подражания внутренних установках, которые помогают персонажам двигаться вперед и добиваться успеха. С одной стороны, такова творческая позиция самого Лян Сяошэна. Как отмечает Хань Вэньи, «Лян Сяошэн на протяжении более сорока лет в своем литературном творчестве всегда придерживался позиции гуманистических ценностей» [11, с. 14]. С другой стороны, такая оптимистичная картина, на наш взгляд, во многом связана с успешной реализацией в Китае задачи по созданию общества средней зажиточности. «Когда в Китае широко отмечали 40 лет проведения политики реформ и открытости, в докладе Си Цзиньпина 18 декабря 2018 г., посвященном этой дате, говорилось, что за период политики реформ и открытости более 740 млн человек избавились от бедности, а число бедных среди населения КНР сократилось почти на 95 %» [4, с. 82]. Напомним, что в 2021 г. Китай объявил о полном преодолении бедности в стране с населением 1,4 млрд. человек, что стало уникальным опытом для всего мира. И хотя в самом романе читатель ни разу не встречается имен великих китайских реформаторов Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, Лян Сяошэн наглядно дает понять причины успеха страны на пути к китайской мечте. В связи с этим хочется привести известное высказывание сына Дэн Сяопина, Дэн Пуфана (邓朴方, р. 1944), который когда-то произнес такие слова: «Многие называют поколение

«культурной революции» потерянным поколением. Но это вовсе не так. Совсем наоборот. Все, через что прошло это поколение, закалило их. Они думают о великих делах, и у них есть что сказать этому миру. Они тверды в своих убеждениях и проявляют инициативу. Мне кажется, что это поколение – настоящий козырь для Китая на его пути к реформам» (цит. по [3, с. 24-25]). На наш взгляд, выдающиеся успехи современного Китая – лучшее тому подтверждение. В свою очередь отражение этих успехов с помощью художественного слова помогает подрастающему поколению «пропустить через себя» тот богатый опыт, который приобрели их предшественники на пути к национальному возрождению и достижению всеобщего народного благоденствия.

[1] Русское издание: Лян Сяошэн. Я и моя судьба / Пер. с кит.яз. О. Родионовой. СПб: Гиперион, 2024. 504 с.

[2] Проект был запущен в 1989 г. китайским молодежным фондом развития и ЦК Коммунистической молодежной лиги Китая. Направлен на поддержку образования детей в бедных сельских районах. С помощью проекта построены тысячи школ, за годы своего существования он помог получить образование миллионам китайских детей.

[3] Официальное название - Центральная комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая (ЦКПД КПК) и Государственный надзорный комитет (ГНК). Хотя ЦКПД и ГНК формально разделены, они функционируют как единое целое и отвечают за борьбу с коррупцией и поддержание партийной дисциплины.

Библиография

1. Лян Сяошэн. Видеообращение к российским читателям [Электронный ресурс] // Клуб читателей китайской литературы. 2025. URL: https://vk.com/wall-205830393_956. (дата обращения: 10.05.2025).
2. Бони Л. Д. Ликвидация бедности в Китае. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 4-12. DOI: 10.31857/S032150750010444-0 EDN: WYSBFU.
3. Зуенко И. Ю. В эпоху Си Цзиньпина. Москва: Издательство АСТ, 2024. 320 с.
4. Литвинова Ю. Г. Борьба с бедностью в Китае в период 13-й пятилетки // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016-2020). Москва, 2020. С. 80-87. EDN: OMPSHD.
5. Лян Сяошэн. Я и моя судьба. Пекин: Издательство "Жэньминь вэньсюэ", 2021. 378 с. 梁晓声. 我和我的命. 北京: 人民文学出版社, 2021. 378 页.
6. Гу Цин. Си Цзиньпин и его истории о преодолении бедности в Китае / пер. с кит. О. Адамс. Москва: Издательство "Эксмо", 2022. 494 с.
7. Бони Л. Д. Ликвидация бедности в Китае. Часть 2 // Азия и Африка сегодня. 2020. № 9. С. 10-17. DOI: 10.31857/S032150750010854-1 EDN: IUCART.
8. Чжан Хуншэн, Ли Минган. "Повествование о Шэньчжэне": история и ее роль - исследование произведений Мо Яня, Ли Пэйфу и Дэн Игуана о Шэньчжэне // Вэньи гунмин. 2018. № 5. С. 124-129. 张鸿声, 李明刚. "深圳叙事": 历史及其意义--对莫言、李佩甫、邓一光深圳书写的考察. 2018. 第5卷. 124-129 页.
9. Williams P. From Atomized to Networked: Rural-to-Urban Migrants in Twentieth-century Chinese Narrative // Asian Literary Voices: From Marginal to Mainstream. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. P. 41-51.
10. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011. 336 с.
11. Хань Вэньи. "Я и моя судьба": процесс формирования "хорошего человека" и размышления о морали // Вестник Цзаочжуанского института. 2021. Т. 38. № 6. С. 14-20. 韩文易. 《我和我的命》: "好人"的塑形过程与伦理反思 // 枣庄学院学报. 2021. 第38卷. 第6期. 14-20 页.

12. Адамс О. Ю. Антикоррупционное законодательство КНР в 1995-2015 гг. // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 206-218. EDN: QNRHZB.
13. Лю Чжэньюнь. Дети стадной эпохи. Пекин: Издательство "Чанцзян вэнь", 2017. 287 с. 刘震云. 吃瓜时代的儿女们. 北京: 长江文艺出版社, 2017. 287 页.
14. Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньлянь. Пекин: Издательство "Чанцзян вэнь", 2012. 290 с. 刘震云. 我不是潘金莲. 北京: 长江文艺出版社, 2012. 290 页.
15. Родионова О. П. Социальная и этическая деформация на пути к современной мечте: о романе Дун Си "Переломленная судьба" // Проблемы литератур Дальнего Востока. VIII Международная научная конференция. Сборник материалов. СПб.: НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 346-358. EDN: YMCYXR.
16. Родионова О. П. Темы и образы в романе Лю Чжэньюня "Дети стадной эпохи" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 1. С. 66-87. DOI: 10.21638/spbu13.2020.105 EDN: OSBLCC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи – новейшая китайская литература. Автор обозначает точно тему своей работы – это «путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба». На мой взгляд, оценка новых текстов есть необходимое условие, ибо мировой литературный процесс движется, и его необходимо систематизировать, упорядочивать. Статьи достаточно информативны, целостны, органичны. Материал имеет и практическую, и теоретическую направленность. Например, «творчество писателя Лян Сяошэна (梁晓声, р. 1949), который является ровесником Китайской Народной Республики, представляет собой удачный пример отражения динамичной жизни китайского общества в эпоху экономических перемен», или «Роман Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (我和我的命, 2021)[1] – первое произведение писателя, написанное им после получения премии Мао Дуня. Этот роман также относится к реалистическому жанру, но на этот раз он ориентирован скорее на молодого читателя. Любопытно, что произведение написано от первого лица, а точнее от лица девочки-девушки-молодой женщины Фан Ваньчжи, которая проходит свой путь от самого рождения до примерно сорока лет...» и т.д. Цитаты, сноски по ходу работы даются верно: «Одной из приоритетных задач «китайской мечты» (中国梦 чжунго мэн) стала борьба с бедностью и построение «общества среднего достатка» (小康 сяокан). Тогда же «руководство Китая фактически дало торжественное обещание народу, что будет сделано всё, чтобы всё население страны, все слои и народности, включая, прежде всего, бедное население, вместе вошли в общество «сяокан», что ни один не останется за его пределами!» (цит. по [2, с. 5]). Жанровые приметы научного изыскания выдержаны автором, при этом создан т.н. конструктивный диалог с оппонентами и читателями. Стиль работы соотносится с собственно-научным типом: например, «автор уделяет внимание не только внешнему облику города, но и его качественным характеристикам. В связи с этим в романе выстроен целый сюжет о том, каким образом получали прописку первые жители Шэньчжэня. Поскольку Шэньчжэнь считался специальной экономической зоной, то с самого начала здесь уделялось строгое внимание уровню образования, например, для получения прописки следовало сдать специальный экзамен. Благодаря этому, говорится в романе, «у молодого города появилась возможность оставить у себя лучших специалистов из всех областей» и т.д. Удачно, на мой взгляд, поддерживается оценка и литературного контекста, это важно

для научного труда: например, «помимо Лян Сяошэна, разработку данной темы в новейшей китайской литературе проводят и другие писатели. Например, очень пронзительно и скорее в пессимистичном ключе она реализуется в романе Дун Си (东西, р. 1966) «Переломленная судьба» (篡改的命, 2015), в названии которого также есть слово «судьба» (命)» и т.д. Наличного текста вполне достаточно, чтобы раскрыть тему, достичь цели исследования. Логику научной наработки автор поддерживает с помощью т.н. языковых «связок» / «скреп»: например, «как уже отмечалось ранее, на страницах романа писатель сводит друг с другом людей разных социальных статусов», или «как видим, понимание того, что «можно», а что «нельзя», у каждой из героинь разное, и зависит оно, прежде всего, от их воспитания и ценностных установок, которые как правило закладываются в семье» и т.д. Итоги работы подведены, автор обозначает, что «выдающиеся успехи современного Китая – лучшее тому подтверждение. В свою очередь отражение этих успехов с помощью художественного слова помогает подрастающему поколению «пропустить через себя» тот богатый опыт, который приобрели их предшественники на пути к национальному возрождению и достижению всеобщего народного благоденствия». Таким образом, можно констатировать, что материал имеет цельно-завершенный характер, его продуктивно использовать в вузовской практике; общие требования издания учтены, серьезных фактических неточностей не выявлено. Рекомендую статью «Путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (2021)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».